

Сьерра Симоне

ГРЕШНИК

Издательство АСТ
Москва

Посвящается Рене Бисеглия
Это не первая книга, которую я посвятила тебе,
и уверена — не последняя.

ПРОЛОГ

Имея в своем распоряжении правильную ручку, человек может править миром.

Вы угощаете их хорошим обедом и вкусным вином, улыбаетесь им и подсовываете подарочки, осыпаете комплиментами, поете хвалебные оды и прикидываетесь закадычными друзьями. Вы играете с ними в гольф или смотрите балет, сравниваете костюмы по четыре тысячи долларов или часы по десять тысяч, а затем, как бы невзначай, с помощью холодных фактов давите на самые уязвимые места и, используя рукопожатие за рукопожатием, создаете новые блистательные перспективы.

И когда они попадают в расставленные вами сети, оказавшись в своего рода точке невозврата, когда оглядываются назад и видят, что у них остался последний шанс на отступление, — вот тогда вы протягиваете им ручку.

И вот они берут эту объемную, увесистую и приятную на ощупь ручку, снимают колпачок и видят золотое перо с гравировкой, на кончике которого застыло обещание денег и власти. И когда они прижимают перо к бумаге, оставляя за собой четкий темный след, чем-то напоминающий чернильную кровь, вот тогда дело сделано.

Именно тогда вы становитесь правителем мира.

Меня нельзя назвать хорошим человеком, и я никогда не изображал из себя такого. Я не верю ни в доброту, ни в Бога, ни в истории со счастливым концом, которые не оплачены заранее.

Во что я верю? В деньги. Секс. Виски «Макаллан» восемнадцатилетней выдержки.

Таких, как я, называют плейбоями. Сердцедами. Бабниками.

Мой брат раньше был священником, и у него для меня есть лишь одно определение.

Грешник.

Смокинг от «Армани», ботинки от «Берлутти», на запястье часы фирмы «Берберри».

Голубые глаза, светлые волосы, слегка крупный рот, наталкивающий на непристойные мысли.

Да, я знаю, что выгляжу великолепно, когда выхожу из своей «Ауди R8» и направляюсь на благотворительный вечер по сбору средств для больницы.

Я знаю это, парковщик, который забирает у меня ключи от машины, знает это, девушка, работающая за стойкой бесплатного бара, знает это. Я одариваю ее классической, с ямочками, улыбкой Беллов, беру у нее заказанный виски, и она краснеет. А потом поворачиваюсь лицом к кружащей по залу толпе богачей и, потягивая виски «Макаллан», раздумываю, с чего же начать в первую очередь.

Потому что сегодняшней вечер — мой момент триумфа.

Во-первых, сегодня днем я заключил выгодную сделку с Киганом, подписав стопку документов о передаче заброшенного района застройщику из Нью-Йорка, и, бог ты мой, вы не поверите, какими деньгами владеют эти люди. Они не просто богаты. Это уровень нефтяных магнатов. Я не только заработал для своей фирмы хренону тучу долларов, но и получил возможность укрепить свое положение в «Валдман и партнеры» как раз к тому мо-

менту, когда Валдман уйдет на пенсию и ему понадобится кто-то, кто займет заветный угловой кабинет и будет пересчитывать заработанное богатство.

Во-вторых, именно я подписал это соглашение, а не Чарльз Норткэтт, к черту этого парня, и я с удовольствием позлорадствовал бы по этому поводу сегодня вечером, зная, что этот придурок обязательно появится здесь, потому что он не может устоять перед бесплатной выпивкой и скупающими «трофейными женами».

И в-третьих, я допоздна засиживался из-за сделки с Киганом, а это серьезно повлияло на мою сексуальную жизнь, и я отчаянно желаю наверстать упущенное. В моем телефоне сохранено несколько номеров постоянных партнерш для секса, к тому же всегда можно заглянуть в эксклюзивный клуб, членом которого я являюсь, но сегодня я праздную победу. И это заслуживает чего-то особенного, чего-то оригинального.

Еще раз обвожу взглядом зал. Валдман со своей женой в углу, смеющийся и покрасневшийся, хотя благотворительный вечер только начался, и Норткэтт, конечно же, рядом с ним.

Чертов жополиз.

Но сегодняшней вечер — мой, а вокруг полно прекрасных женщин, и пусть я, возможно, еще один белый парень с уймой денег в море таких же белых богачей, но у меня есть преимущество. Я — грешник с соблазнительной улыбкой и великолепными волосами и умею превратить грех в рай.

Допив свой виски, ставлю стакан на барную стойку и отправляюсь на охоту.

* * *

Спустя час чувствую, как кто-то легонько толкает меня локтем.

— Отец здесь. Просто к твоему сведению.

Поворачиваюсь и вижу мужчину моего возраста, который протягивает мне еще один напиток, представляя отличный предлог отвлечься от текущего разговора и осмотреть помещение.

И, конечно же, отец Элайджи Айверсона стоит в другом конце зала в окружении обычной толпы крупных спонсоров больницы и светских пиявок. Доктор Айверсон — главный врач онкологического центра больницы и постоянная персона на подобного рода мероприятиях, поэтому меня не должно удивлять его присутствие здесь, но все же мне становится не по себе, и затылок неприятно покалывает. Я закрываю глаза и на минуту переношусь в прошлое: слышу звон стеклянных форм для запеканок и как мой отец разговаривает на повышенных тонах, а мать Элайджи бормочет что-то умоляющим голосом. И я по-прежнему чувствую навязчивый приторный запах белых цветов, цветов для похорон, которых не должно было быть.

Я открываю глаза и вижу понимающую печальную улыбку Элайджи. В тот день он тоже был там, в тот день, когда крепкая дружба наших семей превратилась в нечто совсем иное — холодное и отчужденное. Но мы остались близки. Мы сдружились еще в детском саду благодаря нашему увлечению «Черепашками-ниндзя», а это связь на всю жизнь. Но остальные члены наших семей отдалились друг от друга, как будто не было двадцати лет совместных барбекю, настольных игр по вечерам, присмотра за детьми, пижамных вечеринок и игр в карты до поздней ночи с вином для взрослых и легкими перекусами для детей, которые мы незаметно от родителей проносили вверх по лестнице в свои комнаты.

— Все в порядке, — отвечаю я. И это ложь только наполовину, поскольку, даже если доктор Айверсон напоминает мне о том дне — об ужасной дыре, которая

образовалась в моем сердце после смерти сестры, — мы всегда вежливы друг с другом при встрече, которые случаются довольно часто в таком маленьком городе, как этот.

— Кстати, отличное мероприятие, — добавляю я, в основном, чтобы сменить тему. Разлад между Айверсонами и Беллами — это старая рана, а Элайдже и так достаточно волнений на сегодня. Это его первая вечеринка в качестве координатора мероприятий в центре Кауфмана после того, как он ушел из картинной галереи, где начинал свою карьеру, и я знаю, что он очень переживает, чтобы сегодняшней вечер прошел успешно. К тому же это единственное мероприятие в году, которое посещает его отец и все коллеги его отца... И я отчетливо вижу морщинки от усталости и стресса на лбу и вокруг рта Элайджи.

Он слегка кивает, окидывая зал глазами цвета виски. Практичным, решительным взглядом и квадратной челюстью он как две капли воды напоминает своего отца — высокого, чернокожего и красивого. Но если доктор Айверсон обычно хмурится, Элайджа всегда улыбается и всегда в хорошем настроении.

— Кажется, пока все проходит без происшествий, — говорит он, продолжая осматриваться по сторонам. — За исключением того, что я потерял свою пару.

— Ты привел с собой пару? — интересуюсь я. — И где же он?

— Она, — ухмыляясь, отвечает Элайджа, а затем смеется мне в лицо, потому что он перестал ходить на свидания с девушками еще в колледже, когда объявил всем о своей нетрадиционной ориентации. — Шон, я шучу. На самом деле это...

Элайджа не успевает договорить, потому что к нему подбегает встревоженная женщина в униформе фирмы, обслуживающей банкеты, и размахивает таблицей рас-

садки. Они о чем-то бурно перешептываются, и, тихо выругавшись, Элайджа извиняющимся жестом машет мне и убегает, чтобы уладить возникшую за кулисами благотворительного вечера проблему, оставив меня наедине с моим виски. Я снова бросаю взгляд на доктора Айверсона, который пристально смотрит на меня. Он кивает, и я отвечаю тем же, и от меня не ускользает выражение сдержанного сочувствия на его лице.

Мне прекрасно известна причина этого сдержанного сочувствия, отчего грудь сдавливает словно тисками.

«Возьми себя в руки, Белл, и продолжай праздновать свой успех». Вот только желание праздновать внезапно пропадает. Мне хочется еще виски и глоток свежего воздуха, и даже с огромной стеклянной стеной, открывающей вид на сверкающее небо над городом, я испытываю клаустрофобию и неприятное беспокойство, да еще и пронзительная мелодия струнного секстета в углу становится невыносимо громкой, заполняя собой каждую нишу и балкон. Отчаянно, почти вслепую, я пробираюсь к двери, ведущей на террасу, мне просто нужно выбраться наружу...

Ночной воздух окутывает внезапной прохладной тишиной, и я делаю глубокий вдох. Затем еще один и еще один. Пока мой пульс не замедляется до нормального, а тяжесть в груди не уменьшается. Пока голова не проясняется от мешанины образов запеканок и цветов четырнадцатилетней давности и из прошлой недели.

Жаль, что не только воспоминания о смерти Лиззи так подействовали на меня. Жаль, что у отца Элайджи есть причины смотреть на меня с жалостью. Как бы мне хотелось хоть раз принять душ, или присутствовать на деловой встрече, или перепихнуться с красивой женщиной и при этом не держать под рукой телефон с включенным звуком на случай крайней необходимо-

сти. Как бы мне хотелось просто быть счастливым от того, что заключил эту сделку с Киганом, что у меня неприлично много денег и шикарный новый пентхаус, и привлекательное тело, и еще более привлекательный член, и великолепная шевелюра.

Но, оказывается, не все можно исправить деньгами и великолепной шевелюрой.

Сюрприз.

Я допиваю остатки виски, ставлю стакан на столик с высокой столешницей и отваживаюсь пройти дальше на покрытую травой террасу. Впереди меня, на холме, в легком мерцании огней простирается город, а позади — неприветливый занавес из стекла и стали, за которым скрывается мое королевство. Где я живу, работаю и развлекаюсь. Воздух наполнен летним пением цикад и музыкой уличного движения, и, черт побери, как бы мне хотелось хоть на одно мгновение вспомнить, какое умиротворение можно испытывать, слушая все эти звуки. Что можно любоваться огнями города и не вспоминать о ярком свете больничных флуоресцентных ламп, писке мониторов, запахе гигиенической помады.

Терраса практически безлюдна, хотя вечер только начинается, и я уверен, что пьяные светские львицы будут смеяться и распивать здесь спиртные напитки, как только уберут тарелки с десертом. Какой бы ни была причина, я благодарен за несколько минут одиночества и напоследок снова вдыхаю пропитанный запахом травы воздух, прежде чем вернуться внутрь, и именно в этот момент замечаю ее.

На самом деле первым в глаза бросается ее платье: проблеск красного мерцающего шелка, трепетание танцующего на ветру подола, подобно красному плащу, которым размахивают перед быком, и в считанные секунды я снова Шон Белл, празднующий победу

и все такое. Я меняю направление, следуя за соблазнительным мерцанием красного шелка, пока не нахожу девушку, которой он принадлежит.

Она стоит спиной к стеклянной стене и толпящимся по другую сторону богатым людям, прислонившись к одному из массивных тросов, которые крепят крышу здания к террасе. Легкий ветерок играет с шелком, скрывающим ее тело, взъерошивая подол и обрисовывая аппетитные очертания талии и бедер, а нежная темная кожа ее обнаженных рук и спины сияет в свете городских огней. Я пробегаюсь взглядом по изгибу ее позвоночника вниз до округлой попки в облегающем платье, а затем возвращаюсь к изящным лопаткам под тонкими красными бретельками, завязанными крест-накрест.

Незнакомка оборачивается на мои шаги, и я практически замираю на месте, потому что, черт возьми, она красивая и, вдвойне черт возьми, она молодая. Не малолетка, за которую можно загреметь в тюрьму, а, скорее, студентка колледжа. Короче, слишком молода для тридцатилетнего мужчины.

И все же я не останавливаюсь, а подхожу ближе и, засунув руки в карманы брюк, облакачиваюсь на толстый трос рядом с ней. Когда смотрю на нее, наши лица полностью освещены золотистым светом, льющим с благотворительной вечеринки.

Глаза незнакомки расширяются, когда она смотрит на меня, губы слегка приоткрываются, как будто она потрясена, увидев меня, как будто не может поверить в то, что видит, но я быстро отбрасываю эту мысль. Скорее всего, ее поражают мои великолепные волосы.

Если только... на моем лице остатки еды или что-то подобное? Украдкой провожу рукой по своему рту и челюсти, чтобы проверить, что это не так, и она следит за этим движением с жадным взглядом, который вызывает напряжение и разжигает огонь внизу живота.